

—

Этот уродливый тип такой хитрый.

Поразмыслив, дедушка Ай всё же попросил У-Да хорошенько наставлять малыша и не позволять ему доверять чужакам. В конце концов, у тех, кто не принадлежит к нашему роду, и помыслы будут чуждыми.

У-Да покосился на парендидука У-Эра, который смотрел на него полными слёз глазами, скрепя сердце отвернулся, а в глубине его глаз осталась лишь капля жалости.

У-Эра оставили для прохождения сурового тренинга перед повторным трудоустройством.

У-Да бесшумно выплыл наружу. Мелыш в этот момент как раз копал яму, чтобы закопать красный шар и несколько маленьких сокровищ.

—

Неужели у их младшего поколения появилась какая-то странная способность? Похоже, у их рода панд совсем не было привычки рыть норы.

У-Да с болью в сердце воскликнул:

— Малыш, что ты делаешь?

Ему непременно нужно привить правильные и честные три взгляды на жизнь! Если панда начнет промышлять воровством из нор, это просто...

Страшно и представить!

Мо Гуньгунь задрал голову и невинно произнес:

— Я копаю яму.

В груди у У-Да заныло. Глубоко вздохнув, он спросил:

— Зачем ты копаешь яму?

Мо Гуньгунь ответил:

— Спрятать свои сокровища.

У-Да замер.

Тогда Мо Гуньгунь затараторил, словно сыплющийся из мешка горох:

— Эти скелеты такие противные, я их ненавижу. Они утащили мои сокровища. А те сокровища, что дал мне большой монстр, я просто обожаю! К счастью, они не тронули этот красный шар, который дал мне большой монстр, иначе я бы точно с ними подрался!

Что же касается мёда и чашки...

Мо Гуньгунь только что проснулся и увидел на коврике новенькую чашку.

Он уже был донельзя счастлив.

Предки-панды потеряли дар речи. Что только что сказал малыш?! Он сказал, что эту внутреннюю пилюлю дал уродливый тип?!

Этого не может быть!

Однако на самом деле Мо Гуньгунь не лгал, а панды верили своему младшему потомку, оттого и изумились ещё сильнее. Этот уродливый тип был поистине глуп или же преследовал нечто большее? Как бы то ни было, раз он отдал их младшему потомку внутреннюю пилюлю, значит, он — благодетель всего их рода панд. Быть к нему чуточку добрее в данный момент было вполне допустимо.

Приговаривая это, Мо Гуньгунь снова задрал маленькую попку и принялся копать яму, увлечённо трудясь своим крошечным округлым тельцем.

Лу Сяоцин, занятый своими делами неподалёку, бросил на это взгляд, в его глазах промелькнула улыбка. Он мягко погладил малыша по задней лапке и продолжил работу.

Получив поглаживание по попке, Мо Гуньгунь озадаченно оглянулся и захлопал глазами, полными вопросительных знаков.

Зачем большому монстру это делать? Но раз большой монстр занят работой, Мо Гуньгунь склонил голову набок и, помахивая хвостиком, продолжил копать яму.

Предки испытали глубокую душевную боль.

Разве можно кому попало гладить попку их младшего потомка? А младший потомок даже никак не отреагировал на то, что его погладили! Его наивность заставляла панд тревожиться.

Мо Гуньгунь аккуратно уложил вещи, засыпал их толстым слоем листьев и изо всех сил зашагал по ним своими маленькими лапками, утрамбовывая землю.

Убедившись, что получилось примерно так же, как и везде, круглая малышка-панда с довольным видом зажала в зубах маленький коврик и поволокла его к своему кладу. Потыкавшись крошечной головкой, он выровнял коврик, затем запрыгнул на него, лёг и примерился.

Чуть потянув носом, он решил, что вышло и впрямь отлично. Мо Гуньгунь перевернулся на коврике, кубарем скатился с него и покатился к появившемуся неизвестно когда новому золотому гнездышку. Растянувшись рядом с золотым гнездышком, Мо Гуньгунь подхватил бамбуковый побег и принялся за обе щеки уплетать лакомство.

Лу Сяоцинь скользнул по нему взглядом: руки продолжали работать, но мысли приняли глубокий оборот.

Малыш, возможно, и сам не осознает своих изменений.

И это ему вовсе не показалось...

Успешная первая коммуникация между маршалом и Гуньгунем

Мо Гуньгунь лениво жевал в золотом гнездышке, непрерывно шлепая губами, а его взгляд то и дело блуждал по сторонам: интересно, чем это занят большой монстр?

Лу Сяоцинь как раз изготавливал простую плату магнитно-резонансной энергии.

К счастью, в обломках боевого корабля осталось немало материалов и инструментов, так что Лу Сяоциню не пришлось ломать голову над тем, как приготовить обед без риса. Получив в своё распоряжение изобилие превосходнейших материалов, маршал со скоростью, казалось бы, в тысячу ли за день создавал новую меху и небольшой летательный аппарат.

Переплавить пять десятков скелетов обратно в меху не составляло труда, но вот та самая сердцевинная энергетическая плата заставляла его испытывать лёгкую тревогу.

Интеллектуальная система мехи по праву считалась вторым помощником её хозяина, и Лу Сяоцинь вовсе не желал, чтобы его верный спутник, сопровождавший его столько лет, растворился в реке времени.

Лу Сяоцинъ провёл рукой по обугленной пластине, и его лицо стало ещё более суровым.

Перед ним лежала та самая хрустальная пластина.

Вероятность того, что Чэнфэн сможет восстановиться, была невелика. Взгляд Лу Сяоциня слегка потемнел: сможет ли он своими руками вернуть к жизни боевого товарища, ставшего ему словно вторая половина...

О чём же он так переживает? Мо Гуньгунь не понимал: в его маленькой головке просто не умещались сложные и разнообразные человеческие отношения. Он знал лишь одно: когда тебе грустно, нужно съесть побольше вкуснейших побегов бамбука, а потом поспать — и тогда начнётся новый прекрасный день.

Виляя маленькой попкой, Мо Гуньгунь подполз поближе и протянул большому монстру припасенное ранее маленькое яблочко.

Мо Гуньгунь заморгал своими черными-черными глазками:

— Мм, мм-м.

Съешь это, когда съешь — сразу повеселеешь.

Движение Лу Сяоциня замерло: в его ушах послышался едва уловимый детский голосок.

Нахмурившись, Лу Сяоцинъ пристально посмотрел на кругленькую пандочку.

Мо Гуньгунь:

— Мм-м-м.

Взгляд Лу Сяоциня метнулся в сторону: в ушах по-прежнему звучал мягкий, нежный писк маленькой панды, никаких детских уговоров не было и в помине.

Горько усмехнувшись, Лу Сяоцинъ мысленно вздохнул: неужели он стал уделять малышу столько внимания, что у него начались слуховые галлюцинации?

Протянув руку и погладив малыша по голове, Лу Сяоцинъ прищурился: он отсутствовал уже довольно долго.

Атмосфера вокруг большого монстра стала будто бы ещё тяжелее, — молча подумал Мо Гуньгунь, покусывая бамбуковый побег.

Пока он размышлял над этим, до него донеслось несколько тихих жужжащих звуков.

Мо Гуньгунь озадаченно поднял голову: это была та самая пчелиная матка.

Матка приблизилась, и исходивший от неё жуткий запах крови стал ещё гуще, а клубившийся вокруг неё черный турок, казалось, слегка прибавил в объеме.

Мо Гуньгунь поморгал и невольно придвинулся чуть ближе к Лу Сяоциню.

Голос пчелиной матки звучал слегка хрипло:

— Скорее помоги мне убить этих проклятых птиц.

Она запнулась и несколько смягчила тон:

— Что насчет твоего решения?

Пчелиная матка говорила с настойчивой спешкой:

— Эти проклятые птицы снова прилетели пожирать моих подданных! О, небеса, как они могут быть такими ненасытными!

Мо Гуньгунь почувствовал, как от неё повеяло леденящим холодом, который закружился вихрем неподалеку.

Поджав губки, Мо Гуньгунь произнес:

— Прости, я не могу согласиться.

Пчелиная матка замерла, а затем резко повысила голос:

— Не можешь?! Как это ты не можешь?! Разве ты не хочешь есть плоды луолуо?

Мо Гуньгунь опустил взгляд:

— Я хочу, но истребить всех птиц целиком мне не под силу. Если...

Пчелиная матка пронзительно взвизгнула:

— Не под силу?! Тебе не под сила, так разве тому монстру это не под силу?! Почему бы тебе не попросить его сделать это?!

От этого крика Мо Гуньгунь вздрогнул, ощутив непонятную обиду и досаду.

Пчелиная матка принялась ругаться:

— О чём ты только думал раньше?! Раз не можешь, только тратишь моё время! Ты хоть знаешь, что пока я ждала тебя, моих подданных сожрали еще больше? Все они — живые существа! Почему ваши жизни ценятся так высоко, а мои подданные должны терпеть такое наказание?!

Поморгав, Мо Гуньгунь покрепче обнял бамбуковый побег и глубоко вздохнул:

— Потому что выживает сильнейший!

Вчера он не до конца понимал смысл этих слов, но сегодня, глядя на обезумевшую пчелиную матку, он смутно постиг законы природы.

Мо Гуньгунь произнес по слогам:

— Возлагать надежды на других — значит не спасти себя.

Издав пронзительный визг, пчелиная матка окончательно рассвирепела:

— Что ты сказал?! Ты, ничтожное создание! С чего это мой род должен быть обречен на забвение?! У тебя самого даже сородичей не осталось, до полного вымирания остался только ты один — какое ты имеешь право рассуждать о моем виде?!

Мо Гуньгунь остолбенел. Его сородичи?

Вымерли?

Этого не может быть, его мама была еще крепка и могла родить много братишек и сестричек.

У него еще столько предков... пращуров...

До сих пор он чувствовал, что что-то не так, но теперь, когда туман рассеялся, к нему пришло озарение: все сородичи, которых он видел, были лишь душами.

Они все погибли!

Мо Гуньгунь пережил сильнейший удар. Он никак не мог поверить, что его столь гордый род оказался на грани исчезновения.

Остался только он один?

Словно среди ясного неба грянул гром, Мо Гуньгунь замер в оцепенении.

На мгновение в глазах пчелиной матки мелькнула свирепость. Она осторожно приблизилась к Мо Гуньгуню, собираясь обнажить клыки.

— Исчадие зла, что ты собралась сделать с моим потомком?!

Две светло-голубые вспышки света пронеслись мимо, лицо пчелиной матки резко переменилось, и она бросилась наутек.

У-Да и У-Эр пришли в ярость и бросились вперед, намереваясь разорвать пчелиную матку на куски.

Однако матка обладала огромной злобной ци: пожертвовав половиной крыла, ей всё же удалось сбежать.

У-Эр, зажав в зубах обломок крыла, ругался на чем свет стоит, обращаясь к пустоте.

У-Да же, напротив, еще больше тревожился о душевном состоянии своего малыша. Он подплыл к Мо Гуньгуню и с беспокойством посмотрел на него.

Мо Гуньгунь опустил маленькие ушки, его глаза наполнились слезами.

— Малыш? — позвал У-Да.

Даже угроза нападения пчелиной матки не расстроила Мо Гуньгуня так сильно. Он поморгал, и в его голосе слышались плаксивые нотки:

— Большой дедушка...

У-Да ненавидел ту болтливую пчелу и уже мысленно подсчитывал, как бы заставить её душу развеяться пеплом сразу после того, как он успокоит младшего потомка.

От этого обращения у У-Да в груди всё сжалось.

У-Эр же, хрустя, сжевал крыло и, вернувшись, устроился по обе стороны от Мо Гуньгуня, составляя ему компанию.

Маленькие черные круги вокруг глаз выглядели покорными и темными. Мо Гуньгунь помолчал пару секунд:

— Большой дедушка, второй дедушка, неужели от нашего рода и правда остался только я один?

Взгляд Мо Гуньгуня был полон жгучей надежды:

— Наверное, она просто обманула меня, да?

У-Да пошевелился, а затем сухо произнес:

— Не думай об этом. Панды непременно достигнут вершины.

Мо Гуньгунь остолбенел, и по его щекам беззвучно покатились слезы.

Кроме него, живых панд действительно больше не осталось.

Мо Гуньгунь опустил круглое маленькое голову, нежно поглаживая кулон. Раньше он просто был счастлив вновь увидеть панд.

А теперь его охватило лишь чистое горе.

Все они мертвы.

У-Да опустился на лапку Мо Гуньгуня:

— Мы все будем защищать тебя. Ты — надежда рода панд, не теряй веры. Мы и древние предки верим в тебя. Верим, что ты сможешь возродить род панд.

Мо Гуньгунь шмыгнул носом.

Световые точки, прятаящиеся в кулоне, сбились в кучу, тоже сильно переживая за состояние малыша.

Рядом с дедушкой Аем внезапно появилась еще более яркая световая точка.

Дедушка Ай выказал крайнее почтение.

Эта световая точка произнесла:

— Отдай ему жемчужину сгущения ци. Энергия внутренней пилюли слишком свирепа, с жемчужиной он сможет безопасно пережить период роста.

Световая точка продолжила:

— Какая бы ни была цена, впредь защищайте его.

Дедушка Ай был потрясен до глубины души:

— Жемчужина сгущения ци?! Но ведь это ваша, ваша...

Световая точка ответила:

— Ничего страшного. Я уже вкусил былой славы, и после смерти вы почитаете меня — этого достаточно. Отныне ты будешь возглавлять мир предков.

Глаза дедушки Ая покраснели, и его захлестнула скорбь.

Остальные световые точки тоже заволновались, их лица выражали растерянность:

— Прародитель!

Мо Гуньгунь не заметил, как в его теле вдруг что-то добавилось.

Лу Сяоцинь легко уловил нестабильное эмоциональное состояние малыша.

Опустившись на корточки, Лу Сяоцинь тихо вздохнул. Малыш снова плакал — судя по всему, только что что-то произошло, но он сам остался в полном неведении.

Такое бессилие, когда не знаешь, с чего начать, маршал Лу испытал впервые.

Это доставляло ему немало хлопот: он хотел утешить кроху, но даже не мог понять писка малыша и не знал, как именно утешить его.

Мо Гуньгунь обнял руку большого монстра и уткнулся в неё всей головой.

Сейчас ему было немного тяжело на душе, и маленький любитель вкусно поесть решил, что двигаться ему совсем не хочется.

Лу Сяоцинъ бросил взгляд на фрукты со свежим ароматом, лежавшие неподалеку, и его и без того темные зрачки стали еще глубже.

Мо Гуньгунь поерзал маленькой попкой и в конце концов решил, что в объятиях большого монстра ему спокойнее и уютнее всего. Перебирая ножками и опустив голову, он зарылся под одежду большого монстра, прижавшись прямо к его груди и прислушиваясь к его сильному, ровному сердцебиению.

Мо Гуньгунь прекрасно знал, что большой монстр его не понимает, но всё же не удержался и начал изливать душу:

— Большой монстр, Гуньгунь только что узнал, что в моем роду остался только один Гуньгунь, мне так больно... Кажется, Гуньгунь больше никогда не сможет увидеть маму.

Тело Лу Сяоцинъ внезапно напряглось.

Мо Гуньгунь не замечал перемен в большом монстре и продолжал бормотать сквозь слезы:

— Дедушки-предки возлагают на меня все надежды, но Гуньгунь такой слабый...

Зрачки Лу Сяоцинъ замерцали — ему не показалось.

Он действительно услышал мягкий детский голосочек, и к тому же его называли...

Хриплым голосом Лу Сяоцинъ произнес:

— Гуньгунь?

Мо Гуньгунь, только перевевший дух и еще не успевший ничего ответить, резко замер, высунул голову и с изумлением уставился на Лу Сяоцинъ.

В его маленьких глазках читалось полное неверие, а пара поникших черных ушек торчком встала вверх.

Мо Гуньгунь поморгал:

— Мм-м, м-м?

Он что, позвал его? Большой монстр только что назвал его по имени?

Увидев это забавное выражение мордашки малыша, Лу Сяоцинъ почувствовал в глубине души радость:

— Гуньгунь.

Мо Гуньгунь слегка приоткрыл рот, обнажив розовый язычок:

— Мм, мм-м-м!

Малыш-панда изо всех сил закивал, пара затуманенных зрачков ярко заблестела. Только что он выглядел обиженным и жалким, но теперь вмиг воспрял духом. Шмыгнув носом, панда затянула торопливый писк.

Лу Сяоцинъ легко похлопал малыша:

— Гуньгунь, привет, я Лу Сяоцинъ.

Мо Гуньгунь заморгал. Ой, большого монстра зовут Лу Сяоцинъ? Неужели его титул — вовсе не какой-то там маршал?

Впрочем, всё это было неважно. Куда больше Мо Гуньгуня поразило то, что большой монстр действительно назвал его по имени!

Как же это здорово! Настолько здорово, что страшная весть о том, что в роду остался он один, тут же вылетела у него из головы.

Мо Гуньгунь:

— Мм-м.

Предки: «.....» Силы неравны, как же бесит! Внезапно этот уродливый тип стал казаться им еще более отвратительным!

Маршал утешает Гуньгуня, чтобы тот не плакал

Младший потомок душой и сердцем тянулся к уродливому типу, и предки единогласно сошлись на том, что их сердце устало.

В отличие от угрюмых световых точек-предков, Лу Сяоцинъ был просто счастлив. Он пристально вглядывался в Гуньгуня.

Проведя вместе немало времени, Лу Сяоцинъ наконец узнал имя крохи.

Лу Сяоцинъ:

— Гуньгунь.

Мо Гуньгунь задрал маленькую головку, положил передние лапки на ладонь большого монстра и издал детский писк:

— Мм-м.

В сосредоточенных зрачках Лу Сяоцинъ мелькнула легкая улыбка:

— Гуньгунь.

Мо Гуньгунь мягко приоткрыл рот:

— Мм-м.

Счастливый Мо Гуньгунь забавно зашевелил ушками:

— Мм-м, мм-м.

Большой монстр такой сильный, как это он научился понимать его слова?

Фраза оказалась длинной, но Лу Сяоцинъ расслышал ее обрывки и, сложив всё воедино путем догадок, в конце концов уловил смысл сказанного малышом.

Задумчиво прищурившись, Лу Сяоцинъ погладил кроху по голове:

— Потому что Гуньгунь очень сильный.

Мо Гуньгунь замер и озадаченно поморгал.

Лу Сяоцинъ сказал:

— Это Гуньгунь дал мне понять, что Гуньгунь сильный.

Услышав похвалу, Лу Сяоцинъ вовсе не почувствовал радости — напротив, на душе у него было несколько смутно. Неужели это способность малыша?

Кроха по-прежнему пищал «мм-м», но в голове Лу Сяоцинъ одновременно с этим зарождалось понимание.

Мо Гуньгунь тупо склонил голову набок: его способность?

Да от такого панду хватит удар!

У него не было никаких таких способностей, это большой монстр просто взял и всё понял!

Пустив пузырь, Мо Гуньгунь прижался щечкой к ладони большого монстра: раз уж он не мог этого понять, то решил и не ломать голову.

В конце концов, то, что большой монстр понимал его слова, делало панду невероятно счастливым.

Мм, мм-м.

Мо Гуньгунь потерелся туда-сюда о ладонь большого монстра и, пропитав её собственным запахом, наконец остался доволен.

Лу Сяоцинъ не мешал возне малыша, но в мыслях его царили глубокие раздумья.

Род крохи оказался куда более выдающимся, чем он предполагал.

И какова же была причина так называемого вымирания? Судя по одаренности малыша, если судить по малому о целом, этот род должен был процветать, и то, что все погибли и остался лишь один Гуньгунь, выглядело крайне странно. Помнит ли малыш свое прошлое?

Солнце поднялось выше. Под лучами солнца водная гладь заискрилась бликами, и легкий ветерок покрыл её рябью.

Поразмыслив немного, Лу Сяоцинъ произнес:

— Гуньгунь.

— Мм-м, — Мо Гуньгунь маленькими лапками загребал воду, рядом с ним лежало несколько мокрых камешков, которые он, судя по всему, только что вытащил со дна. Его настроение оттого, что большой монстр начал его понимать, значительно улучшилось, и хотя мысль о гибели собственного рода по-прежнему вызывала у него грусть, он больше не был готов опустить лапки.

Лу Сяоцинь отпустил рычаги мехи, сел рядом с малышом, поднял камешек и легко бросил его.

Вода заплескалась, и камешек, прежде чем пойти ко дну, сделал с десяток «блинчиков».

Мо Гуньгунь был потрясен. Никогда еще не видевшая жизни панда даже не подозревала, что существует подобный фокус.

Мо Гуньгунь встал на все четыре лапки, захлопал черными глазками и уставился на большого монстра.

Что... что это такое?

Заметив, что эмоции малыша полностью поглощены плоскими камешками, Лу Сяоцинь поднял еще один камень и небрежно бросил его.

Снова получился красивый «блинчик».

Мо Гуньгунь замер.

Увидев, что большой монстр снова поднимает камень, Мо Гуньгунь неуклюжей косолапой походкой подбежал к нему, вскарабкался по штанине большого монстра, цепляясь лапками, вытянул лапу, схватил руку большого монстра и легонько ткнул когтишком, не сводя блестящих черных глазенок с камня на ладони.

Какое это сокровище!

Мо Гуньгунь испытывал любопытство и жгучее желание.

Улыбка отразилась в зрачках Лу Сяоциня. Он развернул ладонь — на ней лежал самый обыкновенный камень.

Мо Гуньгунь придвинул маленькую головку и осторожно понюхал его крошечным носом.

Устроившийся на ладони пухлый малыш позволил Лу Сяоциню ощутить мягкость его шерсти и нежный животик.

Поковыряв камень лапками, Мо Гуньгунь остался в полном недоумении.

Задрав голову с выражением абсолютного непонимания, Мо Гуньгунь издал мягкий писк:

— Мм-м.

Лу Сяоцинь спросил:

— Нравится?

Мо Гуньгунь тяжело кивнул — сердце панды пылало жаром, ну надо же, какой большой монстр сильный!

Лу Сяоцинь поинтересовался:

— Тогда хочешь научиться?

Мо Гуньгунь поморгал, а затем широко распахнул глаза:

— Мм, мм-м-м?

Он может научиться?!

— Разумеется, — улыбнувшись, кивнул Лу Сяоцинь. Улыбка была совсем легкой, но напоминала растаявшую ледяную глыбу.

Лу Сяоцинь продемонстрировал движение еще раз:

— Хочешь попробовать?

Мо Гуньгунь уже не мог дождаться. Он соскользнул по ноге большого монстра вниз и подобрал камень примерно такого же размера, какой показывал большой монстр. Его маленькое тельце вовсе не могло с такой легкостью запустить камень, как это сделал большой монстр: чтобы удержать его, ему пришлось зажать камень в обеих лапках.

Панда приподняла верхнюю часть туловища, подняла камень над головой, но из-за своей тяжести покачнулась и потеряла равновесие.

Зато настрой был самым боевым — всё выглядело весьма солидно.

Потускневшие было глаза вновь засияли блеском. Даже когда Мо Гуньгунь кувыркнулся через голову и швырнул камень прямиком в воду, подняв лишь крошечные брызги, он всё равно нашел это невероятно интересным, словно перед ним открылась яркая глава его жизни.

Бросив камень, Мо Гуньгунь шмякнулся на попку и, усевшись со скрещенными лапками на земле, ошарашенно замер.

Лу Сяоцинь похлопал малыша:

— Неплохо.

Не успел Мо Гуньгунь сообразить, как выразить свои внутренние чувства, а его уже похвалили за реальные успехи.

Зарождающаяся хандра испарилась, оставив лишь легкую радость и еще большее желание попробовать снова.

Низко склонив голову, Лу Сяоцинь с удивительным терпением объяснял, как именно нужно бросать камни, чтобы они красиво скакали по воде.

Его голос был наполнен бархатными нотками, напоминая звучание виолончели. Мо Гуньгунь ничего не знал о виолончелях, но, пошевелив ушками, счел голос большого монстра необыкновенно красивым — таким, от которого не надоест слушать и десяток тысяч раз.

<http://bllate.org/book/21220/2147345>